

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ПШИБИЕВ и БЕРОВ против РОССИИ

(Жалоба № 63748/13)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Ст. 8 • Право на уважение частной и семейной жизни • Право на краткосрочные визиты, которые исключают физический контакт, в присутствии надзирателя для лиц, находящихся под следствием • Отсутствие конкретных доказательств того, что задержанный представляет опасность либо присутствует риск безопасности или риск сговора • Невозможность для заключенных, в отношении которых еще не был вынесен приговор, воспользоваться правом на длительные свидания на протяжении более чем десяти лет • Применимые ограничения общего характера • Несовершенство национального законодательства в отношении разумного срока содержания под стражей и уголовного-процессуального кодекса, которое оказывает негативное влияние на обеспечение лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, правом на частную и семейную жизнь • Чрезмерная длительность содержания в исправительном учреждении, препятствующая обеспечению допустимого или разумно хорошего уровня физического контакта с семьей

СТРАСБУРГ

9 июня 2020 года

Данное постановление станет окончательным при обстоятельствах, изложенных в пункте 2 Статьи 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Пшибиев и Беров против России»

Европейский суд по правам человека (Третья секция), заседая Большой палатой в следующем составе:

Paul Lemmens, *Председателя,*
Dmitry Dedov,
Alena Poláčková,
María Elósegui,
Gilberto Felici,
Erik Wennerström,
Lorraine Schembri Orland, *судей,*

и Milan Blaško, *секретаря Секции,*

Принимая во внимание:

вышеупомянутую жалобу (№ 63748/13) против Российской Федерации, которую 7 августа 2013 года два гражданина этого государства, г-н Батыр Хазреталиевич Пшибиев (далее – первый заявитель) и г-н Аслан Борисович Беров (далее – второй заявитель) направили в Европейский суд (далее – Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция»),

утверждения сторон,

рассмотрев дело на закрытом заседании 19 мая 2020 года,

вынес следующее решение, принятое в тот же день:

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ПАРАГРАФ

Настоящее дело связано с невозможностью для заявителей (лиц, содержащихся в следственном изоляторе) воспользоваться правом на краткосрочные и длительные свидания со своими родственниками в соответствии с должным образом обоснованным порядком.

ФАКТЫ

1. Годы рождения первого и второго заявителей – 1978 и 1981 годы соответственно. Места задержания под стражей первого и второго заявителей – Кемерово и Свердловск соответственно. Их представителем выступила А. Кушлейко, юрист неправительственной организации «Правовое содействие Астрей», зарегистрированной в г. Москве, Россия, и сотрудничающей с правовым фондом, который действует на основе голландского законодательства, Stichting Justice Initiative, и зарегистрирован в г. Утрехте, Нидерланды.

2. Представителем Российской Федерации (далее – Государство-ответчик) выступил г-н М. Гальперин, постоянный представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

3. 15 октября 2005 года группа вооруженных людей напала на несколько государственных учреждений г. Нальчика, расположенного в Кабардино-Балкарской Республике (см. постановление по делу № 4271/06 «Пшибиев против России» от 3 ноября 2011 года).

4. В связи с возбуждением уголовного дела по событиям 15 октября 2005 года заявители были задержаны и направлены в следственный изолятор. Их поместили в следственный изолятор № ИЗ-7/1 г. Нальчика (далее – СИЗО): первый заявитель был направлен туда 22 октября 2005 года, второй заявитель – 24 октября 2005 года (29 октября 2005 года – по версии Государства-ответчика).

5. Во время заключения в следственном изоляторе заявители получили разрешение на несколько краткосрочных свиданий со своими семьями и родственниками в СИЗО (см. пункты 13–17 о положениях национального закона, регулирующего указанный тип свиданий). Например, из материалов дела становится ясным, что первый заявитель воспользовался своим правом и получил пять краткосрочных свиданий в 2008 году (1 марта, 13 мая, 18 июля, 12 сентября и 12 декабря 2008 года). Разрешенные заявителям свидания прошли в комнатах, оборудованных перегородками, которые не допускали никакой возможности иметь физический контакт с посетителями. Общение участников дела с посетителями осуществлялось через переговорное телефонное устройство, которое могли прослушивать сотрудники следственного изолятора.

6. 12 сентября 2011 года заявители направили в Верховный суд Кабардино-Балкарской Республики ходатайства о предоставлении им длительного свидания с членами их семей.

7. В письме от 14 октября 2011 года Верховный суд Кабардино-Балкарской Республики отказал им в удовлетворении вышеназванных требований. В ответе Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики указывается, что действующее законодательство не допускает предоставления длительных свиданий с родственниками лицам, находящимся под стражей. В письме также уточняется, что в соответствии с частью 3 статьи 18 Закона № 103-ФЗ от 15 июля 1995 года «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – Закон № 103-ФЗ) лица, находящиеся в следственном изоляторе, имеют право исключительно на свидания продолжительностью не более трех часов и под контролем сотрудников мест содержания под стражей. В заключении письма Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики говорится, что уголовно-процессуальное законодательство не допускает вынесения судебных решений по ходатайствам, связанным со свиданиями с родственниками.

8. В июле 2012 года заявители направили новые ходатайства с требованиями воспользоваться правом на длительные свидания с семьей.

9. В своем письме от 31 июля 2012 года Верховный суд Кабардино-Балкарской Республики отказал им в удовлетворении вышеназванных новых требований на основаниях, схожих с теми, что были изложены в ответе от 14 октября 2011 года.

10. 14 сентября 2012 года заявители обратились в Конституционный Суд Российской Федерации. В своем обращении они оспаривали конституционность части 3 статьи 18 Закона № 103-ФЗ, поскольку она исключает возможность получить разрешение на длительное свидание с семьей лицам, находящимся в следственном изоляторе.

11. Решением № 133-О от 7 февраля 2013 года Конституционный Суд отказал заявителям в принятии к рассмотрению их жалобы. Следующие пункты являются выдержками из указанного решения, касающимися настоящего дела:

«2.2. Статья 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации допускает возможность ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в качестве средства защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, [или] обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Конституционный суд Российской Федерации неоднократно указывал в своих решениях, что публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости [и если они] являются адекватными, пропорциональными, необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей <...>. В частности, эти ограничения допустимы в случаях, связанных с применением задержания, заключения под стражу или с лишением свободы во всех иных формах, [осуществляемых] на предусмотренных законом основаниях, в надлежащей процедуре, с санкции суда, в рамках установленного [законом] или контролируемого [судом] срока.

Из статей 97, 98 и 108 УПК Российской Федерации в их нормативном единстве следует, что <...> заключение под стражу в системе действующего правового регулирования связано с принудительным пребыванием подозреваемого [либо] обвиняемого в ограниченном [физически] пространстве, с изоляцией от общества, прекращением выполнения служебных или иных трудовых обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц, т. е. с непосредственным ограничением самого права на физическую свободу и личную неприкосновенность. Ограниченность предоставляемых подозреваемому или обвиняемому свиданий по их количеству, [а также] продолжительности и условиям проведения [свиданий] является неизбежным следствием данной меры пресечения, состоящей в изоляции [указанного] лица в специальном [предназначенном для этих целей] месте под охраной (определения Конституционного суда Российской Федерации от 1 июля 1998 года № 159-О, от 13 июня 2002 года № 176-О, от 16 октября 2003 года № 351-О и от 17 июня 2010 года № 807-О-О).

2.3. Согласно статье 3 Закона [№ 103-ФЗ] содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых осуществляется в целях, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Такими целями служат недопущение возможности [для указанных лиц] сокрытия от дознания, предварительного следствия или суда, предотвращения возможного продолжения преступной деятельности [такими лицами], недопущение угроз свидетелю, другим участникам

ПШИБИЕВ и БЕРОВ против РОССИИ
Неофициальный перевод постановления ЕСПЧ

уголовного судопроизводства, уничтожения доказательств либо иного воспрепятствования производству по уголовному делу; при этом мера пресечения в виде заключения под стражу может быть избрана лишь в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет <...> и при условии, что невозможно применить иную, более мягкую, меру пресечения (часть 1 статьи 97 и статья 108 УПК [Уголовно-процессуального кодекса] Российской Федерации).

Для достижения указанных целей в местах содержания под стражей устанавливается обеспечивающий соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых, исполнение ими своих обязанностей, а также их изоляцию; элементами [такого режима] являются [в том числе] налагаемые на них [подозреваемых и обвиняемых] ограничения относительно переписки, получения посылок и передач, предоставления свиданий с родственниками и иными лицами и пр. (статьи 15, 16, 18, 20, 21 и 25 Закона [№ 103-ФЗ]).

В соответствии с частью 3 статьи 18 Закона [№ 103-ФЗ] подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений на основании письменного разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело [возбужденного против них], может быть предоставлено не более двух свиданий в месяц с родственниками и иными лицами продолжительностью до трех часов каждое. Данное законоположение вводит четкие ограничения, касающиеся периодичности предоставления свиданий подозреваемым и обвиняемым, содержащимся под стражей, их длительности, и закрепляет разрешительный порядок решения вопроса об их [предварительном] предоставлении. В то же время оно не может быть истолковано как дающее правоприменителю [осуществляющего исполнение закона] возможность отказать в предоставлении свиданий без достаточно веских оснований, связанных с необходимостью обеспечения прав и свобод других лиц, а также интересов правосудия по уголовным делам; такого рода отказы должны оформляться в виде мотивированного постановления и могут быть обжалованы прокурору или в суд общей юрисдикции (определения Конституционного суда Российской Федерации от 1 июля 1998 года № 159-О, от 13 июня 2002 года № 176-О, от 16 октября 2003 года № 351-О, от 17 июня 2010 года № 807-О-О и от 17 июля 2012 года № 1334-О).

Наличие указанных ограничений вызвано спецификой уголовного судопроизводства, а также теми целями, которые стоят перед заключением под стражу как мерой процессуального принуждения и которые отличны от целей и задач, непосредственно связанных с режимом отбывания назначенного судом наказания в местах лишения свободы, включающим в себя [в той мере, в которой предполагает такой режим отбывания] при определенных условиях право на длительные свидания (статья 89 УИК [Уголовно-исполнительного кодекса] Российской Федерации).

Вместе с тем предусмотренные оспариваемой нормой ограничения длительности свиданий подозреваемых и обвиняемых [которыми они могут воспользоваться], содержащихся под стражей, действуют лишь в период применения меры пресечения в виде заключения под стражу, продолжительность которого не может выходить за пределы разумных сроков уголовного судопроизводства (статья 6¹ УПК [Уголовно-процессуального кодекса] Российской Федерации). Что же касается стадии судебного разбирательства, то закон позволяет суду продлевать срок содержания под стражей только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и каждый раз не более чем на три месяца (часть 3 статьи 255 УПК [Уголовно-процессуального кодекса] Российской Федерации). Как указал

ПШИБИЕВ и БЕРОВ против РОССИИ
Неофициальный перевод постановления ЕСПЧ

Конституционный суд Российской Федерации в Постановлении от 22 марта 2005 года № 4-П, адресованное суду требование не реже чем через три месяца возвращаться к рассмотрению вопроса о наличии оснований для дальнейшего содержания подсудимого под стражей, независимо от того, имеются ли на этот счет [ввиду повторного рассмотрения] какие-либо обращения сторон или нет, обеспечивает судебный контроль за законностью и обоснованностью применения этой меры пресечения и в случае, если необходимость в ней не будет доказана, ее отмену, что [таким образом] влечет и отмену связанных с нею правоограничений. Таким образом, статья 6¹ УПК [Уголовно-процессуального кодекса] Российской Федерации в нормативном единстве со статьей 255 того же Кодекса не позволяют произвольно затягивать сроки рассмотрения судом уголовного дела, не содержат каких-либо препятствий для обжалования [закономерного] бездействия суда и, соответственно, не предполагают избыточного или не ограниченного по продолжительности содержания лица под стражей.

Таким образом, статья 18 Закона [№ 103-ФЗ] во взаимосвязи с положениями уголовно-процессуального закона [Уголовно-процессуального кодекса], обеспечивающими разумность сроков производства по уголовному делу, не может рассматриваться как отменяющая или умаляющая право подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, на общение [и его поддержку] с родственниками или иными лицами, – она лишь устанавливает определенные ограничения, которые действуют в рамках разумного срока уголовного судопроизводства и направлены на достижения конституционно значимых целей (статья 55, часть 3 Конституции Российской Федерации), отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными и необходимыми для защиты [названных] ценностей и вытекают из самого существа такой меры пресечения, как заключение под стражу, в связи с чем оспариваемая заявителями норма не может расцениваться как нарушающая их конституционные права.

Как следует из жалобы, заинтересованные лица, А.Б. Беров и Б.Х. Пшибиев, соглашаясь по существу с установленными оспариваемой нормой ограничениями, выражают несогласие с длительностью их [названных ограничений] применения, обусловленной сроком производства по их уголовному делу. Между тем проверка соблюдения принципа разумности сроков уголовного судопроизводства в конкретном уголовном деле не относится к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации...».

12. 23 декабря 2014 года Верховный суд Кабардино-Балкарской Республики приговорил первого и второго заявителей к 18 и 15 годам лишения свободы соответственно. Согласно показаниям, направленным Государством-ответчиком (см. п. 28–29), 16 марта 2016 года участники дела были направлены в места лишения свободы для отбывания соответствующего срока.

II. ЗАКОНОДАТЕЛЬНО-НОРМАТИВНАЯ БАЗА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. Закон № 103-ФЗ от 15 июля 1995 года «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»

13. Права лиц, находящихся в местах лишения свободы, а также исполнение ими своих обязанностей регулируются Законом № 103-ФЗ. Согласно пункту 5 части 1 статьи 17 указанного Закона все подозреваемые и обвиняемые имеют право на свидания с родственниками и иными лицами, перечисленными в статье 18 того же Закона.

14. Согласно статье 18 Закона № 103-ФЗ задержанному на основании письменного разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, может быть предоставлено не более двух свиданий в месяц с родственниками и иными лицами продолжительностью до трех часов каждое (часть 3). Свидания осуществляются под контролем сотрудников мест содержания под стражей. В случае попытки передачи задержанному запрещенных к хранению и использованию предметов, веществ и продуктов питания либо сведений, которые могут препятствовать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления, свидание прерывается досрочно (часть 4).

В. Внутренний распорядок следственных изоляторов

15. В Приказе № 189 от 14 октября 2005 года Министерство юстиции определило внутренний распорядок следственных изоляторов, который дополняет положения Закона № 103-ФЗ.

16. Пункт 139 указанного документа гласит, что задержанным может быть предоставлено не более двух свиданий в месяц продолжительностью до трех часов каждое, на которое допускаются одновременно не более двух взрослых человек, и только на основании письменного разрешения, в котором указано, кому и с какими лицами разрешается каждое посещение. Согласно этому положению, осужденному, в отношении которого приговор вступил в законную силу, но еще не обращен к исполнению, свидание предоставляется на основании разрешения председательствующего в судебном заседании по уголовному делу или председателя первой инстанции (суда).

17. Пункт 143 вышеуказанного Приказа предусматривает, что свидания проходят под контролем сотрудников СИЗО в специально оборудованных для этих целей помещениях через перегородку, разделяющую заключенных и их посетителя(ей) и исключаящую передачу каких-либо предметов, но не препятствующую переговорам и визуальному

общению. Общение заключенных с лицом (лицами), прибывшим(и) на свидание, осуществляется через переговорное устройство и может прослушиваться сотрудниками следственного изолятора.

С. Судебная практика применения норм конституционного права Российской Федерации

18. Ряд определений Конституционного суда в отношении права заключенных на свидания, а именно: определения от 13 июня 2002 года № 176-О, от 16 октября 2003 года № 351-О, от 1 октября 2009 года № 1053-О-О, от 17 июня 2010 года № 807-О-О, от 17 июля 2012 года № 1334-О, приведен в Постановлении № 33172/16 «Чалдаев против России» от 29 мая 2019 года, п. 28–29.

Д. Уголовно-исполнительный кодекс

19. Согласно частям 1 и 2 статьи 89 Уголовно-исполнительного кодекса от 8 января 1997 года (далее – УИК), лицам, осужденным за совершение преступлений, предоставляются краткосрочные свидания максимальной продолжительностью четыре часа и длительные свидания продолжительностью трое суток на территории исправительного учреждения. Краткосрочные свидания предназначены для встреч осужденных с членами семьи или иными лицами. Они могут длиться четыре часа и проходить в присутствии представителя администрации исправительного учреждения, при этом осужденные отделены от посетителей стеклянной перегородкой или металлической решеткой. Длительные свидания предоставляются с правом визита супруга (супруги), родителей, детей, свекров, зятя и невестки, братьев и сестер, дедушек, бабушек, внуков, а с разрешения начальника исправительного учреждения – с иными лицами. Длительные свидания могут проходить в специальной комнате, где учитываются личное пространство и приватность. В отдельных, предусмотренных Кодексом случаях осужденным могут предоставляться длительные свидания с проживанием вне исправительного учреждения продолжительностью не более пяти суток.

20. Согласно статьям 120–131 УИК, число свиданий в год, которыми по праву могут воспользоваться заключенные, зависит от типа исправительного учреждения, в котором они находятся, и применяемого в их отношении режима заключения. Так, число краткосрочных свиданий может составлять от двух до шести в год, а количество длительных свиданий возможно от одного до шести в год.

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

21. В принятой 11 января 2006 года Комитетом министров Совета Европы Рекомендации государствам-членам, касающейся Европейских пенитенциарных правил Res (2006)2, о соответствующих задержанных лицах говорится следующее:

«Часть I

Основные принципы

1. Все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение с соблюдением прав человека.

2. Лица, лишённые свободы, сохраняют за собой все права, которых они не были лишены по закону и на основании решения суда, в соответствии с которым они приговорены к заключению или содержатся в предварительном заключении.

3. Ограничения, налагаемые на лиц, лишённых свободы, должны быть сведены к необходимому минимуму и соразмерны причинам, в силу которых они осуществляются.

4. Отсутствие средств не может служить оправданием для содержания заключённых в условиях, ущемляющих их права человека.

5. Жизнь в местах лишения свободы должна быть, насколько это возможно, приближена к позитивным аспектам жизни в обществе.

6. Содержание под стражей должно быть организовано таким образом, чтобы способствовать возвращению лиц, лишённых свободы, в свободное общество.

<...>

Сфера и применение

10.1. Европейские пенитенциарные правила применяются в отношении лиц, которые содержатся в предварительном заключении в соответствии с решением судебного органа, либо в отношении лиц, приговорённых к лишению свободы.

Часть II

Условия тюремного заключения

<...>

Контакты с внешним миром

24.1. Заключённым разрешается максимально часто общаться по почте, телефону или с помощью иных средств общения со своими семьями, другими лицами и представителями сторонних организаций; также разрешается посещение заключённых указанными лицами.

24.2. Общение и посещения могут быть ограничены либо осуществляться под специальным контролем, если такая мера необходима для продолжения уголовного расследования, поддержания порядка и безопасности, а также предотвращения уголовных преступлений и защиты жертв преступлений. Вместе с тем такие ограничения, включая специальные ограничения, устанавливаемые судебным органом, должны допускать приемлемый минимальный уровень общения.

<...>

ПШИБИЕВ и БЕРОВ против РОССИИ
Неофициальный перевод постановления ЕСПЧ

24.4. Свидания должны быть организованы таким образом, чтобы дать заключенным возможность максимально естественно поддерживать и укреплять семейные отношения.

<...>

Часть VII

Лица, находящиеся под следствием

Статус лиц, находящихся под следствием

94.1. Для целей настоящих правил термином «лица, находящиеся под следствием» обозначены заключенные, содержащиеся в местах лишения свободы по решению судебного органа до проведения суда или вынесения приговора.

94.2. Государство может рассматривать в качестве лиц, находящихся под следствием, заключенных, которые были осуждены и приговорены к заключению, если еще не закончено рассмотрение поданных ими апелляций.

Режим для лиц, находящихся под следствием

95.1. Режим для лиц, находящихся под следствием, не должен определяться исходя из возможности того, что участники дела могут быть осуждены за совершение уголовного преступления.

95.2. Правила настоящей Части предусматривают дополнительные гарантии для лиц, находящихся под следствием.

95.3. В процессе определения режима для лиц, находящихся под следствием, пенитенциарные органы должны руководствоваться Правилами, применимыми ко всем заключенным, которые предусматривают участие лиц, находящихся под следствием, в мероприятиях, предусмотренных указанными Правилами.

<...>

Контакты с внешним миром

99. При отсутствии специального запрета, установленного судебной инстанцией по тому или иному делу на конкретный срок, лица, находящиеся под следствием:

- а) имеют право на свидания и общение с семьей и другими лицами в том же порядке, что и осужденные заключенные;
- б) имеют право на дополнительные свидания и более упрощенный доступ к другим видам общения;
- с) имеют право получать книги, газеты и другие средства информации».

22. В принятом 11 января 2006 года Комитетом министров Совета Европы комментарии к Рекомендации государствам-членам, касающейся Европейских пенитенциарных правил Rec (2006)2, о соответствующих задержанных лицах говорится следующее:

«Правило 24

<...>

Правило 24.4 подчеркивает особую важность свиданий не только для самих заключенных, но и для их семей. По возможности должны быть разрешены

ПШИБИЕВ и БЕРОВ против РОССИИ
Неофициальный перевод постановления ЕСПЧ

длительные свидания с родственниками (продолжительностью до 72 часов), как это сделано во многих восточноевропейских странах. Подобные длительные свидания позволяют заключенным поддерживать интимные отношения со своими партнерами. Более короткие «супружеские свидания», разрешенные с этой целью, могут унижать достоинство обоих партнеров».

23. На момент принятия настоящего постановления Комитет министров Совета Европы продолжает наблюдение за исполнением решений по целой группе дел, связанных с нарушениями права на свободу и безопасность в местах лишения свободы. К таким относится дело № 46082/99 «Кляхин против России» от 30 ноября 2004 года, а также 397 схожих дел, которые, по мнению Комитета, выступают против принятой процедуры контроля.

7 июня 2018 года во время своей 1318-й встречи Комитет министров принял решение CM/Del/Dec(2018)1318/H46-20, содержащее важные для настоящего дела выводы и в котором говорится следующее:

«Представители министров

<...>

В отношении мер общего характера

5) с интересом отмечают, что по вопросу чрезмерной длительности срока предварительного задержания в последнее время властями были приняты следующие меры: проведены круглые столы, подготовлены Верховным судом материалы по практике и юридической точке зрения международных органов и законодательно-нормативной базе национальных юрисдикций, касающиеся исполнения или увеличения срока предварительного заключения, а также распространены и проанализированы постановления Европейского суда, связанные с соответствующей группой дел;

6) в то же время напоминают о давности этого вопроса, который впервые был поднят в 2002 году (дело Калашникова), и отмечают отсутствие достаточного прогресса, несмотря на меры, призванные улучшить законодательство и судебную практику, а также меры в области образования и профессиональной подготовки;

7) призывают власти к приложению дополнительных усилий для обеспечения соблюдения Конвенции в этой области, в том числе посредством законодательной реформы, улучшением практики работы правоисполнительных органов, базового образования судей и повышения их квалификации, с возможным акцентом на программы сотрудничества Совета Европы...»

5 декабря 2019 года во время своей 1362-й встречи Комитет министров принял решение CM/Del/Dec(2019)1362/H46-25, содержащее важные для настоящего дела выводы и в котором говорится следующее:

«Представители министров

1) напоминают, что данная группа дел затрагивает тему нарушений права на свободу и безопасность в условиях предварительного заключения, в первую очередь потому, что национальные суды не предоставили относимые к делу и достаточные основания, обосновывающие дальнейшее задержание заявителей;

<...>

В отношении мер общего характера

<...>

9) с интересом отмечают меры общего характера, принятые на данный момент властями с целью смягчить проблему того, что национальные суды не способны предоставить относимые к делу и достаточные основания, обосновывающие дальнейшее задержание заявителей, включая исследования Верховного суда и обзор практики Европейского суда, тематические министерские и межминистерские собрания Экспертного комитета, Министерства внутренних дел и Государственной прокуратуры, а также различные мероприятия, направленные на повышение их осведомленности, особенно при участии Совета Европы. Представители министров призывают власти продолжать работу по принятию этих и дополнительных мер в том же контексте;

10) выражают радость по поводу того, что количество лиц, находящихся под следствием, сократилось примерно на 14 % в период с 2016 по 2018 год, в первую очередь потому, что судебные следователи оформляют меньшее число постановлений о задержании под стражу или увеличении срока задержания, и предлагают властям предоставить объяснение того, почему уровень одобрения судьями требований следователей находится на столь высоком уровне (например, процент одобрения заявок на увеличение срока задержания под стражей составляет 97 %);

11) выражают радость в связи с недавними законодательными реформами статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса, что позволило решить проблему неясной интерпретации закона, касающегося увеличения сроков задержания под стражей в целях изучения материалов дела; обязывают следователей вооружиться более серьезной доказательной базой для обоснования требований по задержанию лиц под стражей; и призывают власти продолжить включение принципов статьи 5, достаточно полно освещенной Верховным судом в своих решениях, принятых на пленарных заседаниях (в частности в решении № 41, принятом 19 декабря 2013 года), непосредственно во внутреннее право (как указано в пункте 202 пилотного постановления «Ананьев и другие»), в частности следующего принципа: чем дольше лицо находится в предварительном заключении, тем больше причин, обосновывающих продолжение срока пребывания такого лица, должно быть предоставлено судьям. Этот принцип едва согласуется с настоящей версией статьи 110 Уголовно-процессуального кодекса...»

ЗАКОНЫ

I. О НАРУШЕНИИ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

24. Заявители жалуются на невозможность воспользоваться правом на длительные свидания с их родственниками и семьями во время их пребывания в СИЗО. Помимо этого, они жалуются на условия проведения краткосрочных свиданий, которыми они смогли воспользоваться. В частности, они выражают несогласие с тем, что были лишены возможности иметь физический контакт со своими близкими из-за перегородки, установленной в комнате для свиданий, и с наличием

прослушивающих устройств, предназначенных для общения. Они обращаются к Статье 8 Конвенции, которая гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

А. Приемлемость

25. В Статье 35 Конвенции говорится, что явно необоснованная или считающаяся неприемлемой по какому-либо другому поводу жалоба не может быть рассмотрена Судом.

В. Существо дела

1. Аргументы сторон

а) Государство-ответчик

26. Государство-ответчик подробно изложило содержание статей, имеющих отношение к настоящему делу, в отношении Закона № 103-ФЗ и внутреннего распорядка в следственных изоляторах, в которых, помимо прочего, описаны типы свиданий, правом на которые располагают лица, находящиеся в предварительном заключении, условия их предоставления, длительность и условия их проведения (см. пункты 13–17). Оно приводит обширную цитату из решения Конституционного суда от 7 февраля 2013 года № 133-О (см. пункт 11) и повторяет заключения указанного судебного органа, согласно которым ограниченность предоставляемых подозреваемому или обвиняемому свиданий по их количеству, продолжительности и условиям проведения является неизбежным следствием данной меры пресечения, состоящей в изоляции лица в специальном месте под охраной.

27. Далее Государство-ответчик отмечает, что, согласно статье 74 УИК, следственные изоляторы выполняют функции исправительных учреждений только для осужденных, в отношении которых приговор суда вступил в законную силу. Оно уточняет, что по этой причине национальное законодательство не определяет порядок предоставления длительных свиданий лицам, помещенным в следственный изолятор и в отношении которых приговор вступил в законную силу, но еще не обращен к исполнению.

28. В отношении количества краткосрочных свиданий, предоставленных заявителям, Государство-ответчик повторяет заявления, предоставленные 4 сентября 2019 года администрацией следственного изолятора.

Согласно его утверждениям, первый заявитель был помещен в СИЗО в период с 26 октября 2005 года по 15 марта 2016 года, он получил разрешение на 15 краткосрочных свиданий продолжительностью полтора часа каждое (в период с 20 марта 2013 года по 17 сентября 2015 года), и на этих свиданиях допускалось присутствие не более трех человек, включая двух взрослых (жену, мать, сына, дочь или дядю участника дела) и одно несовершеннолетнее лицо (сына участника дела).

29. Также, согласно вышеуказанным утверждениям, второй заявитель был помещен в СИЗО в период с 29 октября 2005 года по 15 марта 2016 года, ему были предоставлены 14 краткосрочных свиданий продолжительностью в полтора часа каждое (в период с 25 января 2013 года по 11 сентября 2015 года), и на этих свиданиях допускалось присутствие не более трех человек, включая двух взрослых (жену, мать либо дочь участника дела) и одно несовершеннолетнее лицо (дочь либо племянницу участника дела).

30. Что касается условий краткосрочных свиданий, которые получили заявители, Государство-ответчик подтверждает, что встречи проходили под постоянным контролем надзирателей в помещениях с перегородкой, исключающей какой-либо физический контакт с посетителями за счет металлической решетки, и что заявители общались со своими близкими через телефонное устройство, которое могла прослушивать администрация СИЗО.

31. Государство-ответчик признает, что ограничения, наложенные на количество свиданий, предоставленных заявителям, и условия их проведения являются нарушением права заявителей, защищенного Статьей 8 Конвенции, но приводит в качестве аргумента тот факт, что данное нарушение является пропорциональным преследуемым законным целям, а именно целям предотвращения беспорядков или преступлений. В связи с этим в качестве доказательной базы оно приводит судебные дела Суда, касающиеся прав заключенных: дело «Сильвер и другие против Великобритании» от 25 марта 1983 года (серия А, № 61), дело «Бойл и Райс против Великобритании» от 27 апреля 1988 года (серия А, № 131, CEDH 2000-VIII), дело № 73819/01 «Эстрих против Латвии» от 18 января 2007 года, дело № 20071/07 «Пехович против Польши» от 17 апреля 2012 года и дело № 37862/02 «Эпнерс-Гефнерс против Латвии» от 29 мая 2012 года. Оно также вновь обращается к Правилу 24.2 Европейских пенитенциарных правил (см. пункт 21). По утверждению Государства-ответчика, в отношении права заключенных СИЗО на свидания с родственниками внутренний судебный порядок обеспечивает справедливый баланс между, с одной стороны, интересами общества и, с другой

стороны, интересами лиц, находящихся в предварительном заключении.

b) Заявители

32. Заявители настаивают на своей первоначальной жалобе. Они утверждают, что в ходе предварительного следствия следователь, ответственный за рассмотрение их уголовного дела, выдавал разрешение на свидания с близкими редко, а именно не более чем на одно свидание в месяц. Первый заявитель добавляет, что в первые 18 месяцев его заключения в СИЗО следователь выдал разрешение всего на одно свидание с семьей. По словам заявителя, отказы на его ходатайства о предоставлении свиданий с семьей были обоснованы «интересами следствия и процесса, а также необходимостью защитить тайну следствия и избежать какого-либо вмешательства со стороны подозреваемых». Далее он отмечает, что следователь действовал на свое усмотрение, произвольно принимая решение об условиях предоставления свиданий с родственниками, в том числе путем давления, чтобы заставить заявителя признать вину в обмен на возможность увидеться с близкими.

33. Затем заявители указывают, что на стадии судебного рассмотрения их уголовного дела частота предоставления свиданий с близкими увеличилась. Тем не менее, несмотря на то что законом предусмотрено предоставление свиданий до трех часов каждое, на самом деле время, выделенное на встречу заявителей с родственниками, редко превышало двух часов и постоянно сокращалось, так как администрация СИЗО произвольно укорачивала продолжительность визитов. В связи с этим заявители ссылаются на заявления СИЗО, приведенные Государством-ответчиком (см. пункты 28–29).

34. Таким образом, заявители уверены, что редкость свиданий и их ограниченность по времени, несогласие с которыми они выражали, были усугублены невозможностью иметь физический контакт со своими близкими, так как они были отделены от них перегородкой. По словам участников дела, национальные власти были неспособны найти гибкий подход в отношении организации свиданий с родственниками, позволяющий определить, отвечали ли запрет на длительные свидания или сокращение краткосрочных визитов целям конкретного случая.

35. Также, по утверждениям заявителей, ввиду невозможности воспользоваться правом на длительные свидания на протяжении более десяти лет, при том, что их вина не была доказана, они оказались в ситуации, схожей с положением заключенных, чья вина была доказана и которые были приговорены к пожизненному заключению. В связи с этим заявители ссылаются на дело № 41418/04 «Хорошенко против России» ([GC] (CEDH 2015)).

2. Оценка Суда

а) Условия предоставления краткосрочных свиданий

36. Суд отмечает, что ограничения, наложенные на частоту и продолжительность свиданий, а также различные условия их проведения являются нарушением права заявителей на частную и семейную жизнь в соответствии со Статьей 8 Конвенции (см. дело № 25498/94 «Мессина против Италии» (№ 2), § 61–62, CEDH 2000-X, дело № 62936/00 «Моисеев против России», § 247, от 9 октября 2008 года, дело № 24205/06 «Богуслав Кравчак против Польши», § 112, от 31 мая 2011 года и дело № 43149/10 «Андрей Смирнов против России», § 38, от 13 февраля 2018 года). Вместе с тем нарушение не противоречит Конвенции, если оно «предусмотрено законом» законной (ыми) целью (ями) согласно пункту 2 статьи 8 и если оно является «необходимым в демократическом обществе» (вышеупомянутое дело Мессины (№ 2), § 63).

37. Что касается российских следственных изоляторов, Суд постановил, что разделение заявителей и их посетителей с помощью перегородки, которая исключает любой физический контакт, является неоправданной мерой ввиду отсутствия конкретных доказательств того, что заявитель представлял опасность либо присутствовал риск безопасности или риск сговора (см. цитируемые выше дело Моисеева, § 257–259, дело Андрея Смирнова, § 55 и дело Чалдаева, § 60).

38. Рассмотрев все предоставленные материалы, Суд считает, что Государство-ответчик не смогло предоставить информацию практического или юридического характера, позволяющую прийти к другому заключению по этому вопросу.

39. Дело в том, что, как отмечает Суд, Государство-ответчик подтвердило, что во время разрешенных заявителям свиданий участники дела были отделены от своих близких стеклянной перегородкой и общались с ними через телефонное переговорное устройство под контролем надзирателей, тем самым допуская возможность прослушивания их разговоров администрацией СИЗО (см. пункт 30).

40. Суд подчеркивает, что ограничения, наложенные на разрешенные заявителям посещения, исходили из пункта 143 внутреннего регламента СИЗО и автоматически распространялись на всех задержанных (см. пункт 17). В связи с этим он отмечает, что в отношении права на посещения Государство не располагает полной степенью свободы, чтобы принимать общие правила, которые не предполагают некой гибкости, позволяющей определить, являются ли ограничения по конкретным делам подходящими или действительно необходимыми (см. цитируемые выше дело Хорошенко, § 126, дело Андрея Смирнова, § 54, и дело Чалдаева, § 64).

41. Суд утверждает, что в этом деле отсутствовало какое-либо предварительное изучение вопроса, подтверждающее, что характер

нарушения или конкретные особенности личности заявителей либо действующие в СИЗО требования безопасности оправдывают наличие на протяжении всего срока заключения перегородки, исключаящей любой физический контакт участников дела со своими близкими, а также присутствие надзирателей во время их свиданий.

42. Изложенные Суду обстоятельства являются достаточными, чтобы заключить, что в этом случае была нарушена Статья 8 Конвенции.

в) Невозможность воспользоваться правом на длительные свидания

43. Суд утверждает, что сторонами не оспаривается, что невозможность воспользоваться правом на длительные свидания для заявителей являлась нарушением права участников дела на частную и семейную жизнь. Он не видит оснований для того, чтобы прийти к иному заключению (для сравнения см. цитируемое выше дело Эстриха, § 169 и дело № 9348/14 «Ресин против России», § 24, от 18 декабря 2018 года). Далее Суд отмечает, что такое нарушение предусмотрено Законом № 103-ФЗ. По утверждению Государства-ответчика, рассматриваемый запрет был наложен в целях предотвращения беспорядков или преступлений (см. пункт 31). Исходя из предположения о том, что оспариваемое ограничение преследовало законную цель так, как это истолковано в пункте 2 Статьи 8 Конвенции, остается определить, являлось ли это нарушением, «необходимым в демократическом обществе».

44. Суд вновь напоминает, что, несмотря на то, что стандартный срок заключения естественным образом подразумевает ограничение частной и семейной жизни участника дела, существенная часть права заключенного на уважение его семейной жизни заключается в том, что администрация исправительного учреждения и другие компетентные органы помогают заключенному поддерживать контакт с близкими (см. § 61 дела Мессины [№ 2]). Этот принцип применяется *a fortiori* к заключенным, в отношении которых еще не был вынесен приговор и которых следует считать невиновными на основании пункта 2 Статьи 6 Конвенции, за тем исключением, когда потребности предварительного следствия требуют иного подхода (дело № 76843/01 «Назаренко против Латвии», § 73, от 1 февраля 2007 года и вышеупомянутое дело Андрея Смирнова, § 36, а также процитированные в нем дела).

45. Так, Суд отмечает, что Закон № 103-ФЗ исключает какую-либо возможность для лиц, содержащихся в следственном изоляторах, воспользоваться правом на длительные свидания, что также подтверждает Государство-ответчик (см. пункт 27). Он утверждает, что такое ограничение прав лиц, находящихся под следствием, на посещения является общеприменимым и не зависит от причин содержания участников дела в исправительном учреждении, этапов рассмотрения уголовного дела, возбужденного против них, и соображений безопасности.

46. Суд принимает во внимание позицию Государства-ответчика, согласно которой ограниченность предоставляемых подозреваемому или обвиняемому свиданий по их количеству, продолжительности и условиям проведения является неизбежным следствием данной меры пресечения, состоящей в изоляции лица в специальном месте под охраной (см. пункт 26). Тем не менее Суд не считает данный аргумент убедительным. Он вновь напоминает, что, согласно прочно установившейся прецедентной практике в этой сфере, лица, находящиеся под следствием, продолжают располагать всеми фундаментальными правами и свободами, гарантированными Конвенцией, за исключением права на свободу (см. ранее цитируемое дело Хорошенко, § 116). Следовательно, лица, находящиеся в следственном изоляторе, не теряют своих прав, гарантированных им Конвенцией, в том числе права на семейную жизнь, и любой случай ограничения таких прав должен иметь четкое обоснование (*idem*, § 117). Таким образом, наложенные на заявителей ограничения не могут рассматриваться как неизбежное следствие их содержания под стражей, и Государству-ответчику необходимо доказать их необходимость.

47. Суд отмечает, что Государство-ответчик ссылается на законодательно-нормативную базу Конституционного суда Российской Федерации, согласно которой отсутствие в Законе № 103-ФЗ положений, разрешающих лицам, находящимся под следствием, пользоваться правом на длительные посещения компенсируется гарантиями, которые предлагает Уголовно-процессуальный кодекс в отношении срока предварительного заключения: согласно УИК, он не может превышать разумные сроки (см. пункты 11 и 18).

48. Суд полагает, что в действительности право лиц, находящихся под следствием, на частную и семейную жизнь можно обеспечить разными способами, включая сокращение срока, в течение которого указанные лица находятся в предварительном заключении. Даже в том случае, если внутреннее право предусматривает такие механизмы, важно, чтобы они гарантировали не теоретические, а практические и эффективные права. В этом контексте Суд вновь напоминает, что он заключил следующее: проблема чрезмерной длительности содержания подозреваемых и обвиняемых в уголовных преступлениях в следственных изоляторах имеет структурный характер в российском правовом порядке, приводя к распространению не совместимой с Конвенцией практики (см. дело № 51445/09 «Жеребин против России», § 74–80, от 24 марта 2016 года). Согласно сведениям Комитета министров Совета Европы об исполнении постановлений, касающихся чрезмерной длительности содержания под стражей, на данный момент эта проблема так и не была решена на национальном уровне (см. пункт 23). Обращаясь к этим факторам, Суд полагает, что несовершенство внутренних механизмов, призванных защищать право на свободу, в частности права на проведение судебного

разбирательства в разумные сроки, оказывает негативное влияние на обеспечение лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, правом на частную и семейную жизнь.

49. Суд считает, что настоящее дело представляет собой пример такого негативного влияния, так как заявители находились в предварительном заключении более десяти лет. Несмотря на то что Суд не ставит целью расследовать срок предварительного заключения и причины его продолжительности, после подробного изучения влияния на частную и семейную жизнь участников дела Суд полагает, что указанный срок был слишком длительным и мог повлечь серьезные последствия, затрагивающие возможность заявителей поддерживать и развивать отношения с семьей (*a contrario* ср.: вышеупомянутое дело Назаренко, § 75, в котором Суд заключил, что жалоба заявителя по поводу его невозможности получить разрешение на длительные встречи с женой являлась необоснованной ввиду относительно короткого срока рассмотрения уголовного дела – примерно четыре месяца).

50. Суд отмечает, что заявители жалуются, что они столкнулись с отсутствием возможности воспользоваться правом на длительные свидания, являющимися единственным для них способом установить физический контакт с родственниками. Внутреннее законодательство Российской Федерации действительно не предлагает никаких гибких механизмов по организации визитов в исправительных учреждениях (см. пункты 16–17). Однако Суд вновь напоминает, что в каждом отдельном случае любые ограничения, наложенные на право на посещение заключенных, должны иметь обоснования, в частности такие, как поддержание порядка и безопасности либо необходимость защиты законных интересов следствия (см. ранее цитируемое дело Моисеева, § 258, и приведенные в нем ссылки).

51. Несмотря на то что во время рассмотрения уголовного дела заявители получили разрешение на проведение свиданий, Суд считает, что их условия, подразумевающие невозможность обеспечить физический контакт между подсудимыми и их близкими, а также продолжительность заключения более чем десять лет не предоставили участникам дела возможности поддерживать «допустимый» или «достаточно» разумный контакт со своими семьями (подробнее о негативных последствиях длительного отсутствия физического контакта см. вышеупомянутое дело Хорошенко, § 143, а также вышеупомянутое дело Моисеева, § 258). В связи с этим, согласно Правилу 24.4 Европейских пенитенциарных правил, свидания должны быть организованы таким образом, чтобы дать заключенным возможность максимально естественно поддерживать и укреплять семейные отношения (см. пункт 21). Комментарий к Правилу 24.4 подчеркивает особую важность свиданий не только для самих заключенных, но и для их семей, с рекомендацией по

возможности отводить длительное время на свидания с родственниками (см. пункт 22).

52. Суд утверждает, что в соответствии с УИК осужденные заключенные имеют право не менее чем на одно длительное свидание в год (см. пункты 19–20), тогда как закон № 103-ФЗ не предусматривает возможности для лиц, содержащихся в тюрьмах, к числу которых относятся заявители, воспользоваться длительным визитом (см. цитируемое выше дело Ресина, § 40, и дело Чалдаева, § 77). В связи с этим Суд принимает во внимание Правило 99 Европейских пенитенциарных правил, согласно которому при отсутствии специального запрета, установленного судебной инстанцией по тому или иному делу на конкретный срок, лица, находящиеся под следствием, имеют право на свидания и общение с семьей и другими лицами в том же порядке, что и осужденные заключенные. Кроме того, лица, находящиеся под следствием, имеют право на дополнительные свидания и более упрощенный доступ к другим видам общения (см. пункт 21).

53. Обращаясь к важности развития отношений с близкими и поддержки семейных отношений в жизни каждого человека, включая лиц, чья свобода была ограничена, Суд считает, что в данном деле национальным законодательством не были предоставлены достаточные гарантии, обеспечивающие заявителей правом на уважение их частной и семейной жизни. Невозможность воспользоваться правом на длительные свидания для заявителей на протяжении более десяти лет, усугубленная отсутствием гибкости национальной законодательной системы в отношении условий проведения краткосрочных посещений, которые исключали любой физический контакт, являлась нарушением права участников дела на частную и семейную жизнь, являющегося необходимостью в демократическом обществе.

54. Таким образом, была нарушена статья 8 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

55. Статья 41 Конвенции гласит

«Если Суд решает, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

56. Заявители требуют компенсации нанесенного им морального вреда размером в 40 000 евро каждому.

57. Государство-ответчик считает, что при условии, если Суд, возможно, обнаружит нарушение Конвенции в настоящем деле, размер компенсации должен быть установлен в соответствии с его национальной прецедентной практикой.

58. Принимая во внимание чрезмерную длительность нарушения статьи 8 (см. пункт 53), Суд присуждает каждому заявителю 13 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

В. Компенсация расходов и издержек

59. Заявители требуют 3 228,04 евро в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных при разбирательстве дела Судом. В качестве обоснования они предоставили договор об оказании правовой помощи, заключенный между первым заявителем и Фондом Stichting Justice Initiative, а также отчет об отработанных часах, предоставленных указанным Фондом. Они также просят, чтобы утвержденная Судом сумма была напрямую перечислена на банковский счет этого Фонда.

60. Государство-ответчик не предоставило комментариев по этому вопросу.

61. В соответствии с прецедентной практикой Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле, принимая во внимание имеющиеся документы и вышеуказанные критерии, Суд считает разумным присудить 3 000 евро для покрытия всех видов понесенных заявителями издержек, вместе взятых, которые будут перечислены напрямую на банковский счет Фонда Stichting Justice Initiative.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

62. Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявил* настоящую жалобу приемлемой;
2. *Постановил*, что имело место нарушение Статьи 8 Конвенции по причине ограничений, наложенных на краткосрочные посещения для заявителей, а также невозможности воспользоваться правом на длительные свидания;
3. *Постановил*,

ПШИБИЕВ и БЕРОВ против РОССИИ
Неофициальный перевод постановления ЕСПЧ

- а) что в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции Государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления в силу настоящего Постановления выплатить заявителям следующие суммы:
- i. 13 000 евро (тринадцать тысяч евро) каждому заявителю в качестве компенсации морального вреда, а также любой налог, обязанность уплаты которого может быть возложена на заявителя, подлежащие переводу в валюту Государства-ответчика по курсу, который будет установлен на день выплаты;
 - ii. 3 000 евро (три тысячи евро) на обоих заявителей, а также любой налог, обязанность уплаты которого может быть возложена на заявителя, в качестве компенсации расходов и издержек, которые будут перечислены напрямую на банковский счет фонда Stichting Justice Initiative;
- б) с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты, на вышеуказанные суммы начисляется пеня, равная предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в этот период с добавлением трех процентных пунктов;

4. *Отклоняет* оставшуюся часть требований заявителей относительно компенсации.

Составлено на французском языке и коммуницировано в письменном виде 9 июня 2020 года в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 77 Регламента Суда.

Milan Blaško
Секретарь

Paul Lemmens
Президент